

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Дадзи И. Гендерные цифровые траектории в меняющихся обществах: социальная динамика освоения технологий женщинами в Гане и России // Социодинамика. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.12.77286 EDN: KWNWJA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77286

Гендерные цифровые траектории в меняющихся обществах: социальная динамика освоения технологий женщинами в Гане и России

Дадзи Исаак

ORCID: 0009-0007-3065-7635

кандидат социологических наук

докторант; факультет обществознание; Университет имени Н.И. Лобачевского
603022, Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, д. 23Ак. 9

✉ isaacdadziex@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.12.77286

EDN:

KWNWJA

Дата направления статьи в редакцию:

10-12-2025

Дата публикации:

17-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является социальная динамика принятия и использования цифровых технологий женщинами в контрастных инфраструктурных и социополитических контекстах Ганы и России. Объектом исследования выступают процессы цифровой адаптации, формирования цифровой субъектности и уверенности в использовании технологий в условиях ускоренной цифровизации. Автор анализирует влияние инфраструктуры, организационной культуры, государственной политики и гендерных норм на траектории цифрового принятия. Особое внимание уделяется тому, каким образом цифровой доступ преобразуется либо не преобразуется в социальную и профессиональную агентность женщин. Исследование основано на сравнительном

анализе двух принципиально различных социотехнических систем, что позволяет выявить как универсальные, так и контекстно-специфические механизмы воспроизведения гендерного неравенства. Работа исходит из понимания цифровых технологий как социально встроенных инструментов, формируемых структурами власти, культуры и социальных ожиданий. В исследовании применён сравнительный перекрёстный дизайн. Эмпирическая база включает онлайн-опрос 517 респондентов, проведённый в 2024–2025 годах. Использованы описательная статистика, критерий χ^2 , t-тесты для независимых выборок и двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Научная новизна исследования заключается в выявлении устойчивого гендерного разрыва цифровой уверенности, сохраняющегося независимо от уровня инфраструктурного развития и политического режима. На основе сопоставимых эмпирических данных показано, что женщины в Гане и России сталкиваются с различными по форме, но сходными по последствиям социодинамическими ограничениями цифровой агентности. В Гане цифровое принятие носит преимущественно мобильный и выживательный характер, тогда как в России оно осуществляется в условиях институциональных и geopolитических ограничений, несмотря на высокий уровень технической подготовки. Статистические результаты подтверждают значимые различия в инфраструктуре и социальных драйверах цифрового поведения, однако отсутствие взаимодействия между страной и полом указывает на универсальность гендерного «разрыва уверенности». Делается вывод, что цифровизация расширяет доступ, но не устраняет структурные гендерные неравенства, что требует перехода от политики подключения к формированию цифровой субъектности женщин и их участия в создании технологий и принятии решений.

Ключевые слова:

Гендерные цифровые траектории, Принятие технологий женщинами, Социодинамика, Цифровой разрыв, Меняющиеся общества, Принятие ИКТ, Сравнительное исследование, Гендерное неравенство, Гана, Россия

Несмотря на то, что эта работа не получила специального гранта на публикацию, автор выражает признательность за поддержку как обладатель стипендии Правительства России (Open Doors).

Введение

Исторически область технологического развития представляла собой монолог мужской агентности [1]. Женщины нередко оказывались лишенными голоса, оттесненными на периферию инноваций и сведенными к роли молчаливых потребителей [2]. От индустриальной эпохи до раннего интернета «женский голос» воспринимался как второстепенный элемент, как постскриптум к «большому проекту» общественного устройства. Однако траектория XXI века, особенно постпандемийного периода, вынудила радикально переписать этот сценарий. Современная цифровизация наследует эту историю. Она опирается на инфраструктуры, рынки и культурные ожидания, сформированные в условиях, где мужской опыт считался нормой, а женские перспективы оставались маргинальными [3]. В результате цифровая трансформация не разворачивается на нейтральном поле [4]. Она взаимодействует с укорененными гендерными иерархиями и нередко воспроизводит их в новых формах, например через гендерную сегрегацию рынка труда в сфере ИКТ и неравные модели освоения цифровых

навыков [\[5\]](#).

Пандемия Covid-19 обострила эти давние неравенства, одновременно открыв пространство для переосмысления. По всему миру локдауны и ограничения мобильности вынудили перенос работы, образования, социального взаимодействия и доступа к услугам на цифровые платформы в беспрецедентно короткие сроки [\[6\]](#). Исследования цифрового капитала в период пандемии показывают, что кризис стал мощным стимулом развития цифровых компетенций, но одновременно выявил глубокие разрывы в доступе к новым возможностям [\[7\]](#). Девочки, женщины и другие маргинализованные группы с наименьшей вероятностью обладали надежным подключением, соответствующими устройствами или безопасными условиями для интенсивной цифровой активности [\[8\]](#). При этом именно они нередко несли основную ответственность за поддержание семейных коммуникаций, выживание домохозяйств и сопровождение дистанционного образования детей. Пандемия сделала цифровые инструменты ареной, на которой прежние гендерные обязанности и уязвимости были одновременно усилены и переосмыслены [\[9\]](#). Covid-19 выступил не только как медицинский, но и как «великий ускоритель», буквально втолкнувший мировые общества в цифровое существование [\[10\]](#). Для женщин и детей, которые часто занимают позицию «властных меньшинств» несмотря на численное большинство, этот переход был не выбором, а механизмом выживания. Однако по мере стабилизации становится очевидно: цифровизация не является великим уравнителем, а скорее призмой, преломляющей и усиливающей существующие культурные и политические разломы.

Настоящая статья исходит из того, что для понимания женского цифрового принятия необходимо выходить за рамки статистики подключений и анализировать социальную динамику использования технологий. В работе представлен сравнительный анализ двух резко контрастных социополитических ландшафтов — Ганы и России. Несмотря на различия в географии, климате и исторической траектории, эти страны имеют важное сходство: в обеих женщиным приходится сталкиваться с системными барьерами, препятствующими преобразованию цифрового доступа в социальную силу. Африканский контекст демонстрирует эти напряжения особенно отчетливо. Несмотря на расширение мобильного покрытия и акцент на цифровизацию как инструмент развития, женщины в странах Африки южнее Сахары остаются значительно менее подключенными, чем мужчины. Согласно последним оценкам, женщины более чем на 30 процентов реже используют мобильный интернет, имеют более низкий уровень владения смартфонами и демонстрируют меньшую интенсивность цифрового поведения [\[11\]](#).

Ганский цифровой ландшафт накладывается на жесткую патриархальную структуру. Культурно ганское общество часто транслирует представление о женщинах как о зависимом или «слабом» субъекте, тогда как роль «лидера» и по совместительству «владельца» высокоценных ресурсов, включая технологии, приписывается мужчине [\[12\]](#). Эта культурная кодировка отчетливо проявляется в уровнях цифрового принятия. Несмотря на то что интернет-проникновение в Гане достигло около 69.8 процента в 2024 году [\[13\]](#), цифровые практики остаются гендерно стратифицированными. Женщины на 16 процентов реже имеют мобильные устройства с доступом в интернет [\[14\]](#). Даже при наличии доступа характер цифрового использования отличается. Женщины доминируют в неформальной «выживательной» цифровой экономике, например в торговле через WhatsApp и Instagram, но остаются исключенными из формальной технологической иерархии [\[15\]](#). Феномен «Большого человека» в политике и бизнесе создает

социодинамику, в которой цифровые инструменты нередко удерживаются мужчинами как форма контроля, заставляя женщин осваивать цифровую среду осторожно и под финансовым или социальным надзором [\[16\]](#).

Российская Федерация представляет собой противоположность, сочетающую элементы «наследия» и «ограничения». Наследие СССР, государства, которое стимулировало участие женщин в науке и производстве, обеспечило высокий уровень STEM-подготовки женщин [\[17\]](#). Однако постсоветская трансформация и современная «патриархальная ренессансность» усложнили это наследие [\[18\]](#). Текущая geopolитическая ситуация, определяемая санкциями и международной изоляцией, сделала цифровое принятие «неясным» и нестабильным. Уход глобальных технологических компаний и развитие «суверенного интернета» породили атмосферу неопределенности [\[18\]](#). Для российских женщин, которых консервативная государственная риторика все чаще возвращает к домашним ролям, цифровая сфера является одновременно жизненно важной и ограничивающей [\[19\]](#). Несмотря на уровень интернет-проникновения более 90 процентов, участие женщин в технологическом предпринимательстве стагнирует: только 2.3 процента ИКТ-стартапов основаны женщинами [\[20\]](#). Давление санкций ограничивает доступ к глобальным цифровым рынкам, вынуждая женщин адаптироваться к сужающейся и контролируемой цифровой экосистеме, где усиливаются «технопатриархальные» структуры [\[21\]](#).

Таким образом, сравнение Ганы и России — это не сопоставление «развивающегося» и «развитого», а анализ того, как культура и политика выступают решающими посредниками цифровых процессов. В Гане ключевым барьером остается культурное представление о женской «некомпетентности», в России — политическое ограничение цифрового горизонта. В обоих случаях женщины и дети остаются уязвимыми субъектами, вынужденными существовать в цифровом мире, который не был создан для них, но который они должны освоить. Подчеркивая женский опыт и сопоставляя контекст Глобального Юга с постсоциалистическим пространством, исследование стремится внести вклад в формирующуюся литературу о социодинамике цифрового капитала и в дискуссии о том, может ли цифровизация воспроизводить или трансформировать гендерные властные отношения в современных обществах.

Обзор литературы

Концепт технологического принятия

Для понимания цифрового разрыва необходимо прежде всего деконструировать само понятие «технологического принятия». Традиционные подходы, такие как модель принятия технологий (ТАМ), трактуют принятие как рациональное линейное решение, основанное на «воспринимаемой полезности» и «простоте использования» [\[22\]](#). Однако все чаще данный подход подвергается критике за «гендерную слепоту», поскольку он предполагает нейтрального пользователя с полной свободой выбора. Исследования в рамках феминистской теории технологий утверждают, что технология не является нейтральным инструментом, а представляет собой социальный продукт, который часто создается в логике «мужчина как норма», что делает женские исторические вклады невидимыми и лишает их голосов в цифровой сфере [\[23\]](#).

Современная социодинамическая теория, следовательно, предпочитает использовать концепты «присвоения» или «одомашнивания» технологий [\[24\]](#). В этой логике принятие —

это не только приобретение устройства, но и включение технологии в сложную ткань повседневной жизни и социальной стратегии выживания. Для женщин, которых исторически рассматривали как пассивных потребителей, а не активных создателей, технологическое принятие нередко становится актом сопротивления [25]. Пандемия COVID-19 выступила в качестве «насильственного катализатора». Она лишила женщин и детей — демографических «властных меньшинств» — выбора, вынудив их освоить цифровые инструменты не ради досуга, а ради элементарного выживания: образования, дистанционной работы, доступа к медицинской помощи. Таким образом, современное принятие необходимо анализировать не только через показатели владения устройствами, но и через социальную агентность, которую оно предоставляет или ограничивает внутри жестких иерархий власти [26].

Ганский контекст: гендерный цифровой выживательный режим в экономике «Большого человека»

В Гане траектория женского технологического принятия неразрывно связана с глубоко укорененными культурными нормами власти и лидерства. Литература по социальной структуре Ганы подчеркивает устойчивое явление «синдрома Большого человека» — представления о том, что формальное лидерство и контроль над высокоценными ресурсами, включая технологическую инфраструктуру, являются мужскими прерогативами [16]. На культурном уровне, несмотря на признание женщин как «рыночных королев» в сфере неформальной торговли, их часто считают «слабыми» или второстепенными в области технических инноваций и формального управления [27]. Это стереотипное восприятие создает психологический барьер для девушек и женщин, снижая их мотивацию к освоению технических дисциплин, необходимых для высокого уровня цифровой грамотности.

Тем не менее исследования выявляют уникальный феномен «цифрового выживательства». Оказавшись исключенными из формальной высокотехнологичной архитектуры (программирования, сетевой инженерии), ганские женщины сумели «перепрыгнуть» структурные барьеры, доминируя в неформальной цифровой экономике [28] [29]. Применение мобильных платежей (MoMo) и торговля через платформы WhatsApp стали для них жизненно важными, особенно в постпандемийный период [30]. Однако литература отмечает, что это принятие остается хрупким. Высокая стоимость мобильного интернета и «розовый налог» на устройства приводят к тому, что женщины хотя и активно используют цифровые инструменты, делают это с ограниченной автономией — часто через совместные или нерегулярно доступные устройства. Исследования показывают, что цифровое принятие женщин в Гане широкое, но неглубокое: оно распространено в повседневном выживании, но редко превращается в структурную власть [31].

Российский контекст: гендер, «советский парадокс» и санкционный занавес

Литература о России представляет «советский парадокс», который усложняет классические модели цифрового разрыва [32]. В отличие от многих развивающихся стран, Россия унаследовала советскую систему, активно продвигавшую образование женщин в STEM-областях, что обеспечило высокий уровень технической грамотности. Исторически «советская женщина» мыслилась как инженер-работник, а не только хранительница домашнего очага [33]. Однако современные исследования фиксируют резкий регресс. Постсоветский период характеризуется «патриархальным ренессансом»,

когда государственная риторика вновь подчеркивает первостепенность материнства и традиционных ролей, создавая когнитивный диссонанс между профессиональными навыками женщин и социальными ожиданиями [18]. Эти тенденции усложняются геополитической изоляцией после санкций 2022 года. Исследователи описывают современный российский цифровой ландшафт как все более «неопределенный» и замкнутый [33]. Уход глобальных технологических компаний и развитие «суверенного интернета» (Рунета) ограничили доступ к мировому цифровому пространству [34].

Для российских женщин эта изоляция чрезвычайно значима. До санкций цифровая среда служила каналом доступа к международным сетям, удаленной работе и альтернативным образовательным ресурсам. «Санкционный занавес» сузил этот горизонт, вынуждая женщин переходить на локализованные, государственно мониторируемые платформы [35]. В результате, обладая высокими техническими навыками, российские женщины сталкиваются с ограниченными возможностями использования технологий для независимой социальной агентности. Таким образом, их цифровая субъектность подрывается как культурным консерватизмом, так и политико-экономическим сдерживанием.

Сравнительный синтез: пересечение гендерса, культуры и кода

Сопоставление этих двух траекторий показывает, что, несмотря на различие барьеров, их социодинамический результат — маргинализация женского голоса — остается удивительно схожим. В Гане барьер преимущественно инфраструктурный и культурный: представление о женской «слабости» препятствует переходу женщин от простого использования мобильных устройств к созданию технологий [12]. Здесь цифровое принятие функционирует как «мост» — необходимый канал к рынку, но хрупкий и контролируемый мужчинами. В России барьер институциональный и геополитический: «советский парадокс» обеспечивает наличие навыков, но политический контекст и санкционный режим ограничивают возможности их применения [18]. В таком контексте принятие рискует превратиться в «бункер» — замкнутую систему, где женщины цифрово грамотны, но социально ограничены [19]. Оба случая демонстрируют, что «цифровая революция» не разрушила патриархальные иерархии, а просто изменила их форму. Будь то экономика «Большого человека» в Аккре или «суверенный интернет» в Москве, женщины и дети остаются меньшинством в контексте власти, вынужденными ориентироваться в цифровой архитектуре, которую они не создавали. Таким образом, сопоставление подчеркивает необходимость рассматривать технологическое принятие не как технический показатель, а как индикатор социальной свободы.

Методы

В данном исследовании использовался сравнительный перекрестный дизайн, основанный на логике «наиболее различных систем» (Most Different Systems), для анализа цифрового принятия женщинами в Гане и России. Сбор данных осуществлялся с помощью структурированной онлайн-анкеты, распространенной методом удобной выборки и «снежного кома» в период с июня 2024 года по май 2025 года. Итоговый массив данных включал 517 респондентов, из которых женская подвыборка в размере 219 человек была выделена для целевого анализа. Анкета измеряла цифровые демографические характеристики, модели использования и социотехнические детерминанты с использованием шкал Лайкерта. Данные были очищены и обработаны с применением описательной статистики, критерия χ^2 , t-тестов для независимых выборок и двухфакторного дисперсионного анализа (ANOVA) для выявления гендерных и

контекстуальных эффектов. Этические процедуры включали получение информированного согласия, обеспечение анонимности и добровольное участие. Краткое описание ключевых методологических характеристик представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Основные методологические характеристики

Компонент	Описание
Дизайн исследования	Сравнительный перекрестный анализ (Гана-Россия)
Сбор данных	Онлайн-анкета, июнь 2024 — май 2025
Объем выборки	517 респондентов; 219 женщин использованы в анализе
Стратегия выборки	Удобная выборка и метод «снежного кома»
Ключевые показатели	Цифровое использование, поддержка организации, влияние политики, цифровая уверенность
Аналитические методы	Описательная статистика, χ^2 , t-тесты, ANOVA
Этический протокол	Анонимность, информированное согласие, добровольность участия

Результаты Демографический профиль и инфраструктурное расхождение

В исследовании был проанализирован географически сбалансированный массив из 517 респондентов, из которых 49.3 процента представляли Гану и 50.7 процента — Россию. Гендерная структура демонстрирует преобладание мужчин (57.6 процента) над женщинами (42.4 процента), что отражает структурный гендерный разрыв в технологических секторах обеих стран.

Таблица 1 представляет демографические и инфраструктурные характеристики выборки. Анализ с помощью критерия χ^2 выявил статистически значимое «инфраструктурное расхождение» ($\chi^2 = 84.12$, $p < .001$). Респонденты из Ганы значительно чаще используют только смартфоны или мобильные устройства в качестве основного инструмента для работы, тогда как российские респонденты преимущественно применяют ноутбуки или стационарные компьютеры, подключенные к высокоскоростному интернету. Это подтверждает теорию «перехода через ступень» для Ганы (инфраструктура как мобильный мост) и «наследованной» инфраструктуры для России.

Таблица 1. Демографический и инфраструктурный профиль по странам

Переменная	Категория	Гана (n = 255)	Россия (n = 262)	Всего (N = 517)
Пол	Мужчины	149 (58.4%)	149 (56.9%)	298
	Женщины	106 (41.6%)	113 (43.1%)	219
Образование	Бакалавриат	138 (54.1%)	106 (40.5%)	244
	Магистратура	68 (26.7%)	83 (31.7%)	151
	Докторантура	12 (4.7%)	35 (13.4%)	47
Основное устройство	Только смартфон	98 (38.4%)	24 (9.2%)	122
	Ноутбук/ПК	142 (55.7%)	231 (88.2%)	373

Источник: полевые данные исследования

Социодинамические драйверы: «Большой человек» против «Государства»

Для проверки различий в социальных драйверах был проведен *t*-тест для независимых выборок (Таблица 2). Полученные результаты демонстрируют выразительный парадокс. По шкале «Влияние государственной политики» российские респонденты сообщили о существенно более высоком уровне влияния ($M = 3.82$), чем респонденты из Ганы ($M = 2.95$), $t(512) = 5.14$, $p < .001$. Это соответствует гипотезе «бункера», согласно которой цифровой опыт россиян значительно детерминирован санкциями и централизованной программной политикой государства. По шкале «Поддержка руководства» респонденты из Ганы сообщили о существенно более высоких уровнях поддержки ($M = 4.10$), чем российские респонденты ($M = 3.65$), $t(509) = 3.42$, $p = .001$. Этот результат подтверждает теорию социодинамики «Большого человека», согласно которой цифровое принятие в Гане часто определяется разрешением и поощрением со стороны локальных лидеров, а не абстрактными государственными нормами.

Таблица 2. Независимые *t*-тесты по социодинамическим факторам

Переменная	Страна	N	Среднее	Ст. отклонение	t	df	p
Влияние гос. политики	Гана	255	2.95	1.12	- 5.14	512	< .001*
	Россия	262	3.82	0.98			
Поддержка руководства	Гана	255	4.10	0.89	3.42	509	.001*
	Россия	262	3.65	1.05			

Источник: полевые данные исследования Примечание: $p < 0.05$

Гендерная агентность: взаимодействие «гендер × страна» и «разрыв уверенности»

Для ответа на основной исследовательский вопрос о женской цифровой агентности был проведен двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с факторами «Страна» и «Гендер» по переменной «Уверенность в устранении неполадок» (проксирующей цифровую субъектность). Результаты (Таблица 3) показывают значимый основной эффект гендера: $F(1, 513) = 12.45$, $p = .001$, что свидетельствует о том, что мужчины в целом демонстрируют более высокую уверенность, чем женщины. Однако взаимодействие «страна × гендер» оказалось статистически незначимым: $F(1, 513) = 0.90$, $p = .345$. Это ключевой результат: он указывает на универсальность «гендерного разрыва уверенности» как в «кремниевой саванне» Ганы, так и в «кремниевой тайге» России. Несмотря на советское наследие STEM-образования, российские женщины в данной выборке не демонстрируют существенно более высокой технической уверенности относительно мужчин, чем ганские женщины. Социодинамическое давление патриархата оказывается транснациональным, подавляя женский цифровой голос вне зависимости от инфраструктурных условий.

Таблица 3. Результаты двухфакторного ANOVA (Страна × Гендер)

Источник	Тип III сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	p
Корректированная модель	24.56	3	8.19	6.85	.000
Страна	2.15	1	2.15	1.80	.180
Гендер	14.88	1	14.88	12.45	.001*
Страна × Гендер	1.08	1	1.08	0.90	.345

Страна	Среднее значение	Стандартное отклонение	Коэффициент	Страна	Среднее значение	Стандартное отклонение
Ошибки	612.40	513	1.19			
Всего	5678.00	517				

Источник: полевые данные исследования Примечание: $p < 0.05$

Таким образом, данные рисуют образ двух принципиально различных цифровых миров, соединенных общей нитью гендерной сдержанности. В Гане наблюдается «снизу вверх» модель цифрового принятия — высокая зависимость от мобильных устройств и локальной поддержки руководства как мост через инфраструктурные ограничения. В России доминирует «сверху вниз» модель — опора на устойчивую инфраструктуру и сильное влияние государственной политики как защитного бункера от внешних шоков. Однако в обоих мирах женская уверенность статистически ниже, что указывает на то, что доступ — будь то через ганский смартфон или российский оптоволоконный канал — еще не преобразовался в полную социальную агентность.

Заключение

Данное сравнительное исследование показывает, что, несмотря на резкие различия между Ганой и Россией в инфраструктурных и политических условиях, женщины в обеих странах сталкиваются с одинаковым цифровым парадоксом: наличие подключения без полной цифровой субъектности. В Гане женщины используют мобильные технологии как мост через инфраструктурные разрывы, однако этот мост преимущественно поддерживает стратегии выживания, а не глубокое техническое расширение возможностей. В России женщины существуют в «бункерном» цифровом пространстве, где развитая инфраструктура и высокий уровень STEM-подготовки сосуществуют с консервативными нормами и санкциями, ограничивающими их продвижение в стратегические технологические роли. Устойчивость гендерного разрыва уверенности в обеих странах свидетельствует о том, что цифровизация часто не устраняет патриархальные структуры, а воспроизводит их в новых формах. Политика в Гане должна снижать финансовую нагрузку стоимости данных и устройств для женщин, а также расширять целевые субсидии для предпринимательниц и работниц неформального сектора. Практические меры в Гане должны смещать акцент с базовой телефонной грамотности на программы развития цифровой уверенности, навыков устранения неполадок, основ программирования и наставничества со стороны видимых женских ролевых моделей.

В России организациям следует внедрять и контролировать эффективные механизмы диверсификации и карьерного продвижения, способные защитить технические карьерные траектории женщин от неблагоприятных политических и культурных тенденций. Практика в России должна включать создание независимых, женских профессиональных сетей, которые обеспечивают глобальное цифровое взаимодействие, несмотря на geopolитическую изоляцию. В обеих странах системы образования должны переводить женщин от потребления цифровых инструментов к их созданию, отдавая приоритет программированию, системному мышлению и критической цифровой педагогике. Подлинная цифровая инклюзия женщин требует трансформации социотехнических систем, определяющих, кто проектирует, контролирует и получает выгоды от технологий, а не просто расширения доступа к уже существующим инструментам.

Библиография

1. Ali, O., et al. "The Impact of Artificial Intelligence in Educational Environments:

- Challenges and Strategies" // *Technological Forecasting and Social Change*. 2024. Vol. 199, No. 123076. Pp. 123076-123076.
2. Odhiambo, Alphonse, Kasera, et al. "Hypervisible but Voiceless: The Gendered Architecture of Electoral Campaigns in Rural Kenya" // *African Quarterly Social Science Review*. 2025. Vol. 2, No. 3. Pp. 16-35. DOI: 10.51867/aqssr.2.3.2 EDN: WGRCYH.
3. Liang, Y., Xie, C. "The Evolution of Digital Cultural Heritage Research: Identifying Key Trends, Thematic Centers, and Challenges Based on Bibliometric Analysis" // *Sustainability*. 2024. Vol. 16, No. 16. Pp. 7125-7125. DOI: 10.3390/su16167125 EDN: PSMHBG.
4. Cieslak, V., Valor, K. "Beyond Traditional Forms of Resistance to Digital Transformation: An Integrative Review of Employee Resistance" // *Cogent Business & Management*. 2024. Vol. 12, No. 1.
5. Rapoport, E., Volkova, N.V., Barajas, A. "Women and Men in Technology: Invisible Barriers, Gender Self-Perception, and the Social Transformation of Work" // *Technology in Society*. 2025. Pp. 103116-103116.
6. Sandu, A., Taylor, K. "Using Digital Educational Technologies during COVID-19 Lockdowns" // *British Educational Research Journal*. 2024. Vol. 51, No. 2.
7. Getachew E. et al. Digital Health in the COVID-19 Era: Transforming the Future of Healthcare // *Digital Health*. 2023. Vol. 11, No. 942703.
8. Avanesyan G. et al. Analyzing the Digital Divide: Assessing Gender Differences in Youth Digital Skills in Low- and Middle-Income Countries // *Helicon*. 2024. Vol. 10, No. 12. pp. e33127-e33127.
9. Cao H., Zhong Y. The Paradox of Digital (De)Empowerment in Female-Led Group Buying during COVID Lockdown in Shanghai // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2024. Vol. 29, No. 3.
10. Belhousin Fatima Zohra et al. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Digital Innovation // *Brazilian Journal of Business*. 2025. Vol. 7, No. 1. pp. e78504-e78504. DOI: 10.34140/bjbjv7n1-071 EDN: BBUCAM.
11. Dryding D., Logan K. African Women Have Less Access to the Internet Than Men. Why This Is a Problem [Electronic resource] // Afrobarometer.org. 2020. URL: <https://www.afrobarometer.org/articles/african-women-have-less-access-internet-african-men-do-thats-problem/>.
12. Ahinkorah B. O. et al. Media exposure and self-efficacy in abortion decision-making among adolescents and young women in Ghana // *PLOS ONE*. 2020. Vol. 15, No. 10. P. e0239894. DOI: 10.1371/journal.pone.0239894 EDN: CWUJXR.
13. Kemp S. Digital 2024: Ghana [Electronic resource] // DataReportal. 2024. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-ghana>.
14. Correa T., Paves I., Contreras J. Digital Inclusion through Mobile Phones? A Comparison of Mobile and Computer Users // *Information, Communication & Society*. 2018. Vol. 23, No. 7, pp. 1-18.
15. Altalatini D., Tleis H. A. Resisting Patriarchy through the Virtual Bazaar: An Institutional Analysis of Palestinian Women's Digital Entrepreneurship // *Entrepreneurship and Regional Development*. 2023. pp. 1-23.
16. Driscoll B. "Big Man" or "Scarecrow"? The Big Man Concept in Political Science // *The Journal of Modern African Studies*. 2020. Vol. 58, No. 4, pp. 521-550. DOI: 10.1017/s0022278x20000579 EDN: IGTFQR.
17. Durrani N., Kataeva Z. STEM Teachers' Agency in Ensuring Gender Equality // *International Journal of Educational Research*. 2025. Vol. 131. P. 102585.
18. Dogangyun G. Gender Climate in Authoritarian Politics: A Comparative Study of Russia and Turkey // *Politics & Gender*. 2019. P. 1-27.
19. Rozhanovskaya N., Pardini V. The Status of Women in Russian Society. Conference

- Report [Electronic resource] // Wilson Center. 2020. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/status-women-russian-society-conference-report>.
20. Singh S. et al. Gendering the digital divide: A systematic review of women's digital inclusion issues // Digital Transformation and Society. 2025. pp. 1-29.
21. Salyamzade A. et al. Digital technologies as a factor in empowering women entrepreneurs // World. 2024. Vol. 5, No. 2. pp. 346-364.
22. Fel S., Kozak J., Horodysky P. Responsibility and artificial intelligence: An analysis of technology acceptance patterns // Journal of Innovation & Knowledge. 2025. Vol. 10, No. 6. pp. 100852.
23. Tupen S. Shaping feminist artificial intelligence // New Media & Society. 2023. Vol. 26, No. 1. P. 146144482211507.
24. Sovacool B.K., Hess D.J. Typologies and Conceptual Frameworks of Sociotechnical Change // Social Studies of Science. 2017. Vol. 47, No. 5. P. 703-750.
25. Talwar S. et al. Consumer Resistance to Digital Innovations: A Systematic Review // Australasian Marketing Journal. 2020. Vol. 28, No. 4.
26. Kissi F.O. Innovation Culture in Ghana: Local Agency and the Social Shaping of Technology // Minerva. 2025.
27. Sarfo-Kantanka K.S. Discursive Construction of Men and Women in Ghanaian Parliamentary Discourse // Ampersand. 2021. Vol. 8. P. 100079. DOI: 10.1016/j.amper.2021.100079 EDN: QZPOMC.
28. Buck K. et al. Success Factors of Digital Social Innovations // Journal of Business Research. 2025. Vol. 190. P. 115215. DOI: 10.1016/j.jbusres.2025.115215 EDN: NYYFSB.
29. Odum D. et al. Factors of Social Media Use by Ghanaian University Students // Education and Information Technologies. 2024.
30. Duo K. K. T., Quansah D. N. Mobile Money as a Tool for Financial Inclusion in Post-COVID Ghana // SSRN Electronic Journal. 2021.
31. Manna-Blankson T. et al. Patterns of Adoption and Impact of Digital Technologies among Female Market Vendors in Ghana // Palgrave Studies of Entrepreneurship in Africa. 2025. pp. 283-317.
32. Lenton A. Decolonizing Russia? Cambridge University Press, 2025.
33. Zaman E. Disease Similarity Analysis Based on Dysregulation of Biological Modules // NDSU Repository. North Dakota State University, 2016.
34. Park C., Shin B. Digital Sanctions as a New Form of Economic Sanctions: Implications for Russia // Journal of Eurasian Studies. 2023.
35. Kobrinskaya I., Machavariani G. Russia and the World: 2024. Economy and Foreign Policy. Annual Forecast. IMEMO RAS, Moscow, 2024.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование статья «Гендерные цифровые траектории в меняющихся обществах: социальная динамика освоения технологий женщинами в Гане и России» обладает несомненной актуальностью. Во-первых, проблема цифровых разрывов отражается сегодня как в образовательной, так и в политической повестке, требуя более углубленного понимания причин и последствий неоднородного влияния цифровой трансформации на разные социально-демографические группы и сферы

общественной жизни. Во-вторых, острота гендерного вопроса. Как справедливо отмечается автором «технологическое развитие представляет собой монолог мужской агентности», тогда как «цифровые инструменты <стали> ареной, на которой прежние гендерные обязанности и уязвимости были одновременно усилены и переосмыслены». Представляется весьма значимым рассмотрение и трактовка данных вопросов в контексте российских реалий.

Предмет исследования в целом определен автором как гендерные цифровые траектории. Настоящая статья исходит из того, что для понимания женского цифрового принятия необходимо выходить за рамки статистики подключений и анализировать социальную динамику использования цифровых технологий.

Методология исследования раскрыта автором в достаточной мере. В работе представлен сравнительный анализ двух резко контрастных социополитических ландшафтов — Ганы и России. Для решения данной задачи автор использовал сравнительный перекрестный дизайн, основанный на логике «наиболее различных систем». Сбор данных осуществлялся с помощью структурированной онлайн-анкеты, распространенной методом удобной выборки и «снежного кома». Демографические и инфраструктурные характеристики выборки описаны достаточно подробно, чтобы сформировать у читателя представление о достоверности и вариабельности результатов проводимого исследования в разных целевых группах.

Работа структурирована по ключевым блокам, которые принято выделять в научной публикации. Переставлен теоретический обзор, методология исследования, результаты и выводы. Стиль изложения логичен и выверен, язык публикации отличается высоким научным стилем и доступностью изложения. Сильной стороной работы является опора на математически методы исследования (описательная статистика, χ^2 , t-тесты, ANOVA), которые позволяют установить наличие связей и расхождений в критериях анализа.

Выбранный автором подход позволил обеспечить научную новизну сделанных выводов. В частности, для ответа на основной исследовательский вопрос о женской цифровой агентности был проведен двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с факторами «Страна» и «Гендер» по переменной проксирующей цифровую субъектность. Установлено, что мужчины в целом демонстрируют более высокую уверенность, чем женщины. Однако взаимодействие «страна $\times$ гендер» оказалось статистически незначимым. Другими словами, несмотря на советское наследие STEM-образования, российские женщины не демонстрируют существенно более высокой технической уверенности относительно мужчин, чем ганские женщины. Давление патриархата (как международный тренд) подавляет «цифровой голос» женщин вне зависимости от условий их проживания. Цифровой доступ через смартфон в Гане или российский оптоволоконный канал не становится маркером социальной агентности современных женщин.

Библиография в рукописи представлена значительным количеством научных источников. Представляется возможным несколько расширить базу российских авторов, однако данное замечание не влияет на положительную оценку рецензируемого материала.

Выводы, сделанные автором, могут представлять несомненный интерес для читательской аудитории журнала.